

Отвесив знатному лису пинка, Чоу Муи почувствовал, как на сердце наконец полегчало. Глядя на Лю Цинье, которого он уже успел окрестить про себя хитроумным пройдохой, он даже ощутил некое подобие симпатии. Но стоило ему обернуться, как он обнаружил, что спутник исчез. Точнее, тот обнаружился чуть ниже — Лю Цинье всё еще сидел на земле.

— Ты чего разлегся? — Муи недоуменно нахмурился. — Я же вроде не сильно ударил.

Лю Цинье посмотрел на него с нешуточной угрозой.

— А ты попробуй, чтобы тебя сначала тащили на плече как мешок риса, а потом приложили сапогом, — прошипел он. — Силы, знаешь ли, имеют свойство кончаться. Ты что, боевыми искусствами занимаешься?

Чоу Муи остался бесстрастным, лишь едва заметно нахмурился.

— Занимаюсь. А ты откуда знаешь?

Лю Цинье, несмотря на всю свою изворотливость и острый язык, оставался лишь одиннадцатилетним подростком. Ему было чертовски неловко признаваться, что после того самого пинка задница ныла так, что ноги отказывались слушаться. Он украдкой потер ушибленное место и, скрежеща зубами, пообещал себе: «Ну погоди, Чоу Муи, мы еще сочтемся».

Тьма сгущалась. В гуще леса стало сыро и неудобно. Оставив препирательства, мальчишки поняли, что пора убираться. Муи с грустью вспомнил о пустом желудке, а Лю Цинье — о доме. При мысли о возвращении у него разболелась голова: кто знает, какие еще козни приготовила Эрнянь. Прищурившись, он мрачно подумал, что в этот раз был слишком беспечен. Наложница, метившая в законные жены, оказалась опаснее, чем он предполагал. «Что ж, — решил он, — пора с этим заканчивать».

В пещере было хоть глаз выколи. Чоу Муи соорудил нехитрый факел, и Лю Цинье, отбросив гордость, покорно поплелся следом. Ход оказался длинным, местами сужаясь так, что приходилось пробираться на карачках. Здесь-то и вылезла разница в их подготовке: Лю Цинье, привыкший к книгам, а не к упражнениям, вскоре выдохся.

Тяжело дыша, он попросил передышки. Муи остановился и молча ждал, пока тот придет в себя. Лю Цинье исподлобья наблюдал за ним — ни тени раздражения, ни капли спешки. Мальчишка, который был младше его на четыре года, вызывал невольное уважение. «Кремень», — подумал Лю. Лишь много позже, когда они сблизились, Цинье поймет, насколько он ошибался: за этой каменной маской скрывался самый настоящий упрямец, но пока туман неведения был слишком густ.

Тишину первым не выдержал Лю Цинье.

— Тебе разве не любопытно, зачем тем троим понадобилось меня похищать?

Чоу Муи обернулся.

— Любопытно.

Цинье уже приготовил пару колкостей на случай отговорки, но такой прямой ответ сбил его с толку.

— И почему же ты не спрашиваешь?

Муи посмотрел на него как на неразумное дитя.

— А смысл? Это не моё дело. Захочешь — сам расскажешь. А если не захочешь, то какой прок от моих расспросов?

Лю Цинье снова почувствовал себя так, словно его ткнули носом в очевидное, но тут же вспыхнул.

— Что это за взгляд?!

— Да так, — невозмутимо отозвался Муи. — Только что ты смеялся надо мной, а теперь я вижу, что на роль дурака ты подходишь куда лучше.

Цинье хотел было взорваться, но вовремя вспомнил, что без этого «кремня» ему до города не добраться. Он горестно вздохнул и проглотил обиду.

Странно, но этот угрюмый мальчишка почему-то вызывал у него доверие. В их доме секреты берегли свято, но Лю Цинье чувствовал, что по возвращении ему не помешает союзник. Пусть даже такой юный.

— Как тебя зовут? — спросил он напрямую.

Чоу Муи ответил честно. В конце концов, Цинье уже представился, а правила приличия, о которых постоянно твердил учитель, требовали взаимности.

— Фамилия Чоу... Редкая, — протянул Лю Цинье. — А имя Муи. Постой-ка... «Му» и «и» — если сложить эти иероглифы, получится «Янь». Боги, как же твои родители должны ненавидеть род Янов, раз дали тебе такое имя!

Договорить он не успел. Чоу Муи, в мгновение ока сократив дистанцию, с силой прижал его к

стене.

Лю Цинье, будучи хрупким книжником, охнул от боли — хватка у Муи была железной.

— Эй! — вскрикнул он. — Благородный муж действует словом, а не кулаками! Пусти! Что я такого сказал?

Муи осознал, что сорвался. Он всё еще был в ярости, но он разжал пальцы. Это были слова случайного прохожего, он не мог знать правды.

— Никогда не шути с моим именем, — глухо произнес Чоу Муи, отворачиваясь. — И не смей произносить при мне фамилию Ян. Если это повторится, я сделаю так, что ты месяц не сможешь встать с кровати.

Лю Цинье, обладавший острым умом, мгновенно понял: он угодил прямиком в рану. Фамилия «Ян» для этого мальчика была не просто словом, а проклятием. Цинье не стал хитрить и извинился искренне.

— Прости. Я не знал, что это тебя так заденет. Поверь, я не со зла.

Увидев, что Муи смягчился — в его осанке появилось что-то виноватое из-за вспышки гнева, — Лю Цинье поспешил закрепить успех.

— Хочешь, я расскажу, зачем меня похитили? Мне и самому нужно выговориться. Отец вряд ли станет слушать, а друзья... друзей у меня, считай, и нет. Ты первый, с кем я говорю вот так.

Чоу Муи искренне удивился. «Как это — нет друзей?» Сначала он заподозрил подвох, но потом вспомнил, что сам в Поместье Тяньбо жил в тесном кругу братьев, а на горе, кроме учителя, и вовсе никого не видел. Но ведь Лю Цинье — сын богатого чиновника!

Заметив его недоумение, Лю Цинье горько усмехнулся.

— Удивлен? Моя семья в нашем городке — первая после бога. Мать умерла рано, а двоюродная сестра отца, когда их род разорился, пришла к нам искать приюта. В итоге она пробралась в отцовскую постель и теперь спит и видит, как бы стать законной женой. Но вот беда...

Он саркастически усмехнулся.

— Наш род кичится своей ученостью и традициями. Отец взял её в дом наложницей, но сделать её хозяйкой — на это он не пойдет никогда. Ни один порядочный человек не возьмет в жены ту, что сама прыгнула к нему в кровать. И моя бабушка, женщина строгих правил, её терпеть не может. И вот эта Эрнянь решила, что отец не дает ей статуса только из-за меня. Мол, он

бережет мои чувства как законного наследника. Глупость несусветная! Я — всего лишь сын, разве я могу указывать отцу? Но она поверила в эту ложь и теперь изводит меня. Похищение — наверняка её рук дело.

Лю Цинье перевел дух.

— А сверстники... Они липнут ко мне только потому, что я наследник рода Лю. Идиоты, которые думают, что я не вижу их корысти. Настоящая дружба — это редкость, о которой пишут в книгах, но в жизни все просто плывет по течению.

Чоу Муи вздохнул. В Поместье Тяньбо он не знал такой подлости, а жизнь на горе и вовсе была чиста. Оказывается, там, где много людей, всегда много грязи.

— Пусть твой отец сам разбирается с этой женщиной, — рассудительно заметил он. — Вряд ли жизнь наложницы-кузины для него дороже жизни единственного сына. А тех троих... не отдавай их сразу властям. Сначала поговори с отцом и бабушкой. Это семейный позор, и если он выплывет наружу, пострадает репутация всего дома Лю. Лучше решить дело в узком кругу. А что до друзей... Дружба — это когда открываешь сердце.

Лю Цинье расцвел. Совет Муи был дельным, хоть он и сам уже пришел к таким же выводам, но поддержка была приятна. Он до конца своих дней не поймет, почему этот «хитроумный лис», знавший сотни способов обвести любого вокруг пальца, будет так предан этому угрюмому мальчишке. И сколько политических бурь он отведет от Чоу Муи, пока тот будет сражаться на границе, зная, что тыл прикрыт самым надежным человеком на свете.

— Раз мы теперь друзья, — искренне улыбнулся Лю Цинье, — зови меня просто Цинье. Договорились, Муи, младший... братишка?

Чоу Муи едва не споткнулся.

— Какой я тебе братишка! — буркнул он, вовремя прикусив язык, чтобы не начать новый спор.

— Мой дом на улице Чаннин, — продолжал Лю, не обращая внимания на его ворчание. — А ты где живешь?

При упоминании дома Муи вспомнил о наставнике. Прошло уже несколько дней, как он там, старик Цуй?

— У меня нет семьи, — ответил он. — Я живу с учителем на горе Дунъян, к востоку от города.

Лю Цинье опешил.

— Вдвоем на целой горе? А кто же вам готовит, кто стирает?

Муи вспомнил свои кулинарные «подвиги», и он помрачнел.

— Учитель добр ко мне, одежду он берет на себя. Но вот готовка... Если не я, то кто, молодой господин Лю?

Цинье потер нос, про себя твердя как заклинание: «Он еще маленький, он еще маленький, не спорь с ним». Ему вдруг показалось, что в этой дружбе он добровольно подписался на вечную головную боль.

<http://bllate.org/book/17388/1693923>